Я склонил голову: - Благодарю вас, милорд. Я заплачу за нее ту цену, которую она заслуживает. И я окажусь достойным той благосклонности, которую вы мне оказали. Клянусь, - сказал я, протягивая руку и хватаясь за браслет. Это вызвало у него более широкую улыбку и отрывистый кивок.

- Отлично! Тогда давайте отпразднуем наше возвращение и помолвку моей дочери! - крикнул он, заставив зал снова ликовать. Празднование возобновилось полным ходом, появилось еще больше причин веселиться еще сильнее. Я на мгновение проигнорировал все это, чтобы взглянуть на Гунджилл, которая смотрела на меня широко раскрытыми глазами.

Она набралась смелости и заговорила первой: - Ты можешь называть меня Джилл, - сказала она мне, улыбаясь так, что казалось, будто она рассыплется от малейшего прикосновения. Она была неуверенной. Не то чтобы боялась, но у меня сложилось впечатление, что это было для неё таким же сюрпризом, как и для меня.

- Все остальные так делают. Отец... любит называть своих дочерей используя Гун в имени, так... легче... различать нас... - Она замялась, словно не была уверена, стоит ли говорить об этом.

- Тогда Джилл, - сказал я, подарив ей улыбку, которая, как я надеялся, успокоит ее. Я знал, что однажды женюсь. Это была обязанность каждого мужчины - жениться, завести детей, а затем научить своих детей и, возможно, внуков тому, что значит быть мужчиной. Однако это всегда казалось очень далеким. Я никогда не ожидал, что женюсь так скоро. Тем более на дочери ярла. Я... не имел абсолютно никакого представления о том, что мне следует делать, и тот факт, что я был так растерян, казалось, делал ее еще более неуверенной.

- Надеюсь, мы поладим? Я... обещаю, что никогда не буду плохо с тобой обращаться. Я... хотел бы, чтобы ты была счастлива? - сказал я, каждое слово казалось мне ошибкой, когда я его произносил.

Однако мои неуклюжие попытки успокоить ее, похоже, сработали. Джилл улыбнулась слабой, но искренней улыбкой, прежде чем ее повели прочь по приказу слуги:

- Я бы тоже хотела, чтобы мы были счастливы, Зигфрид, - сказала она мне, пока ее вели прочь, а меня - к пиршественному столу. Думаю, это было хорошее начало, но у меня не было времени на нем зацикливаться.

Меня усадили на почетное место, а мой кубок с медовухой никогда не опустошался больше чем наполовину. Праздник был в самом разгаре, когда я обнаружил, что со мной разговаривает ярл Хоррик. Я не был полностью пьян, но я был пьян так, как никогда раньше. Я понял, что он говорит со мной, только на середине предложения:

- Пир? - спросил он, и мое медленное моргание само по себе было ответом.

Он разразился смехом: - Я забыл о твоем возрасте, малыш. Но быть пьяным - это хорошо! - сказал он с радостным смехом, хлопнув меня по плечу так сильно, что я чуть не упал со стула.

- Почему... - начал я, осознав, что заговорил, только после того, как слова покинули мои губы. Он посмотрел на меня, и я заставил свой язык повиноваться.

- ...вы подарили мне пятьдесят акров земли? Это... много... - пробормотал я, отгоняя дымку, из-за которой мое зрение затуманилось. Ярл Хоррик на мгновение задержал на мне взгляд. В его глазах появился блеск, который казался почти... расчетливым.

Фермерские угодья ценились. Хорошие земли - тем более. Пятьдесят акров - это было невероятное количество земли, особенно для человека моего возраста. И все из-за одной битвы. Это не имело смысла. Что-то не сходилось. Может, я и был немного пьян, но этот факт от меня не ускользнул.

Ярл Хоррик глубоко вздохнул, прежде чем жестом попросить раба снова наполнить мой кубок: - Тебе когда-нибудь объясняли, для чего нужен выкуп за невесту? - спросил он, отвечая на мой вопрос своим вопросом. Я открыл рот, чтобы ответить, но он продолжил, не давая мне времени.

- Это гарантия безопасности для жены. Это возможность обеспечить себя, если муж падет в бою или заболеет. Поэтому можно сказать, что выкуп за невесту - это мерило мужчины. Потому что ценность мужчины определяется тем, насколько хорошо он может обеспечить свою семью. - Ярл Хоррик говорил медленно и низким голосом, позволяя звукам пира заглушать его, чтобы его мог слышать только я.

- У твоего отца большая семья, - проговорил он, и я уделил ему все свое внимание. - Боги благоволят ему - большинство его детей достигли совершеннолетия. Это большая редкость. Однако это означает, что ему приходится обеспечивать большую семью. Усадьба не может содержать такую большую семью. Она просто слишком мала, чтобы я мог получать свои подати. Ваше богатство пополняется за счет охоты на дичь, рыбалки... и продажи излишков елея, овса, репы и лука. - Ярл Хоррик улыбнулся мне, и я очень быстро начал трезветь.

- Итак, ты видишь противоречие? Это хорошее. Я не выношу людей, которые пьют до одурения, - сказал ярл Хоррик, протягивая мне свой кубок, чтобы я отпил из него. В ней не было ни медовухи, ни эля. Он был наполнен водой. - Ваша ферма много лет с трудом справлялась с выплатой податей. Не раз твой отец заглядывал в свои запасы, чтобы покрыть разницу, потому что вашей семье, полной растущих мужчин, грозил голод. Я знаю это, потому что люди, у которых он покупал продукты, докладывали мне об этом. Именно поэтому меня так удивило, что твой отец в последние годы не только не покупал продукты... но и начал продавать их излишки.

Я густо сглотнул, и вся комната словно померкла, несмотря на шум, который производило торжество. Я этого не знал. Насколько я знал, ферма производила достаточно, чтобы прокормить нас всех и отдать подати, не нуждаясь ни в каких покупках. В этом плане отец нам лгал. Или, по крайней мере, мне. Но я не мог злиться. Он отдавал приоритет тому, чтобы прокормить нас, а не убедиться, что у него достаточно средств для уплаты налогов, а затем использовал деньги, которые накопил чтобы мы не потеряли ферму.

И в наших краях было не так много тех, кто поступил бы так же.

- Это испытание? - спросил я, получив кивок от ярла Хоррика.

- Ты уже доказал, что являешься могучим воином, несмотря на свой возраст. Я говорил серьезно, Зигфрид. Через несколько лет, когда твое тело окрепнет, ты будешь наводить ужас на поле боя. Сейчас я хочу, чтобы ты показал, какова твоя мера как мужчины - как мужа моей дочери, которую я очень люблю, - сказал он мне, протягивая руку и забирая свой рог с водой. Он поднес его к губам, прежде чем попросить слугу наполнить его. - Поэтому я хочу, чтобы ты работал на земле и показал мне, какую жизнь ты можешь обеспечить моей дочери.

У меня закралось подозрение, что он что-то недоговаривает или что-то опускает, но я ни за что не мог понять, что именно. У меня осталось только тревожное чувство...

И мысль о том, что ярл Хоррик был гораздо более хитрым человеком, чем все остальные

считали.

…

http://tl.rulate.ru/book/102321/3567843